

«УТВЕРЖДАЮ»

апреля _____ 2024 г.

И.о. директора
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Институт географии РАН
член-корр. РАН А.В. Панин

ОТЗЫВ

**ведущей организации на диссертацию
Галустова Кирилла Артёмовича
«Трансформация пространства современного российского города
под воздействием городских режимов»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата географических наук по научной специальности
1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география**

Актуальность темы диссертации. Важнейшей движущей силой трансформационных процессов, происходящих в городах и затрагивающих все стороны их жизни, являются режимы городского управления, под которыми, используя самую общую трактовку, понимается система взаимодействий разных акторов, сложившихся взаимоотношений, формальных правил и неформальных договоренностей, проявляющаяся в умении договариваться, создавать коалиции и добиваться поставленных целей. Несмотря на то, что концепция городских политических режимов была предложена Кларенсом Стоуном в конце прошлого века и получила развитие в трудах многих урбанистов, политологов, социологов, в изучении закономерностей трансформации географического пространства города по-прежнему остается немало «белых пятен». Автор диссертации справедливо замечает, что эта проблематика недостаточно раскрыта в трудах социо-, экономико- и политико-географов и что работа, представленная к защите, «призвана восполнить недостаток подобных исследований в современной географической науке» (стр. 5). Не ставя под сомнение данный тезис, подчеркнем и другое обстоятельство: актуальность этой темы для нашей страны определяется, в первую очередь тем, что в постсоветских реалиях значительно выросло число субъектов принятия решений, касающихся землепользования и реализации городских проектов. Если в советские годы за всё отвечала власть, которая руководствовалась идеологией и опиралась на экспертное мнение, Генпланы, возведенные в ранг закона, и институты контроля их исполнения, то в новых условиях власть «власти» как административного института заметно уменьшилась: во-

первых, возникли собственники и девелоперы, разного рода бизнесы и низовые структуры, заинтересованные в присвоении городских благ и городского пространства как источника собственных доходов; во-вторых, сама власть превратилась в предпринимателя, отстаивающего групповые и частные интересы; в-третьих, резко выросло значение спонтанных процессов самоорганизации и гражданской активности. Поэтому логично сосредоточить внимание на институциональных и структурных преимуществах отдельных групп интересов и их способности проявлять свою политическую субъектность в вопросах, связанных с трансформацией городской среды.

Объект исследования в авторской формулировке К.А. Галустова – «пространство современного российского города в процессе трансформации». В целом такая формулировка не вызывает серьезных возражений, однако судя по названию работы и тексту диссертации де-факто объектом авторского внимания скорее всё же являются городские политические режимы, т.е. система принятия решений о реализации значимых городских проектов в современных российских городах.

Предмет исследования в формулировке автора – «трансформация пространства современного российского города под воздействием городских режимов». По сути, это перефразирование (в несколько суженном формате) объекта исследования, тогда как в работе дан анализ особенностей взаимодействия различных групп интересов в условиях постсоветского (постсоциалистического) города и влияния складывающихся режимов городского управления (принятия решений) на трансформацию городской среды.

Цель диссертационного исследования указана как выявление принципов и закономерностей трансформации современного российского городского пространства под воздействием городских режимов. Два ключевых слова здесь – *принципы* и *закономерности*. Вообще априори на вопрос, что такое «принципы ... трансформации ... городского пространства» и откуда они берутся, наверное, мало кто ответит. Тем не менее, К.А. Галустов предпринимает в своей диссертации попытку системно сформулировать и принципы, и закономерности трансформации современного российского городского пространства под воздействием городских режимов. Другой вопрос, насколько корректны и аргументированы авторские формулировки выявленных «принципов» и «закономерностей». В целом представляется, что в кандидатской диссертации цель исследования лучше бы было сформулировать более конкретно и менее амбициозно. Тем более, что целеполагание в данной работе при ее тщательном изучении напрашивается и как бы «угадывается»: определить типы городских режимов, складывающихся в российских городах, выявить особенности трансформации городского пространства под влиянием политических установок и моделей городского управления, описать механизмы

формирования прочных коалиций интересов и институтов их согласования. Но это большая целевая цепочка, а хотелось бы, чтобы цель диссертации была определена конкретно и сформулирована автором кратко и внятно.

Тем не менее, автором в ходе работы был решен ряд задач, соответствующих требованиям к кандидатским диссертациям:

1) определены теоретические подходы к исследованию трансформационных процессов в городах, обоснована применимость концепции городских политических режимов к российским практикам городского управления, уточнен понятийный аппарат;

2) разработана методика исследования характера и особенностей взаимодействия различных агентов городского развития в российских городах;

3) сформирована база данных общественно значимых проектов в российских городах и конфликтов, связанных с их реализацией, проведен анализ собранных материалов, на основе которого создана типология конфликтов и описаны основные модели их разрешения;

4) результаты эмпирического анализа сопоставлены с принятой в западной науке классификацией городских режимов, определено место российских городов на этой шкале;

5) полученные эмпирические и теоретические выводы обобщены и на их основе сформулированы *«общие принципы и закономерности изменения современного городского пространства в РФ под воздействием городских режимов»*

Научная новизна исследования определяется К.А. Галустовым, прежде всего, тем, что это первая в российской социально-экономической географии диссертация, сфокусированная на анализе «городских режимов» как фактора и движущей силы трансформации географического пространства современного российского города. В этом отношении научная новизна диссертации не вызывает сомнений. Системным исследованием специфики влияния городских режимов на сдвиги в пространстве российских городов (в отличие от многих городов ряда других стран и регионов мира) мало кто занимался до К.А. Галустова. Элементы научной новизны есть и в выявлении некоторых специфических черт городских режимов в российских городах (особенно на примере Санкт-Петербурга), в том числе в сравнении с известными моделями, разработанными на материалах американских и западноевропейских городов, и в попытке выделить типологические черты процессов трансформации пространства российских городов, и в постановке важного вопроса о принципах и закономерностях этой трансформации.

Однако конкретные пункты «научной новизны» прописаны в диссертации неудачно. Странное впечатление производит пункт 1: *«Впервые разработаны подходы к*

концептуализации воздействия городских режимов на городское пространство». В мировой науке этими вопросами занимались многие; автор скорее адаптировал данные подходы к российским реалиям. Аналогичное замечание касается и пункта 5: *«Определён новый актуальный предмет географического исследования – изменения городского пространства под воздействием городских режимов»*. В самой диссертации К.А. Галустова, в которой есть немало ссылок на работы зарубежных предшественников, показано, что уважаемый соискатель в данной предметной области отнюдь не был первопроходцем. Сомнение вызывает и заявка на создание *«пространственно-временных моделей воздействия городского режима на трансформацию пространства современного российского города»* (пункт 2), особенно в свете использования автором преимущественно экспертных оценок.

Защищаемые положения (тезисы защиты) в целом соответствуют предмету исследования. Тем не менее, их формулировки также весьма уязвимы. Многое в них банально и не требует ни исследований, ни доказательств. В качестве примера приведем первое положение, выносимое на защиту уважаемым соискателем: *«Городские режимы как системы взаимодействий акторов воздействуют на направления трансформации пространства российских городов, изменяя его урбанистическое наполнение. Трансформация городских пространств имеет общие географические и хронологические особенности проявления в крупных российских городах, заданные рамками и направлениями поведения власти, бизнеса и общества»* (стр. 9). Что можно подтвердить или опровергнуть в этом тривиальном тезисе? Что здесь «защищать»?

Структура диссертации К.А. Галустова выглядит логично. В **первой главе** рассматриваются теоретико-методологические подходы к исследованию трансформации городского пространства, городских режимов и их воздействию на сдвиги в географическом пространстве города. Глава носит преимущественно обзорный характер; ее первый параграф сфокусирован на систематизации ранее разработанных в зарубежной и отечественной науке теоретических и концептуальных подходов к исследованию процессов трансформации городских пространств; во втором параграфе в фокусе внимания находится концепт «городского режима» и его воздействие на трансформацию городской среды.

Пожалуй, первая глава получилась неоправданно краткой (всего 25 страниц). В связи с этим и анализ уже имеющихся научных заделов в этой области исследований, созданных предшественниками уважаемого диссертанта, получился слишком куцым, и изложение теоретической рамки самого диссертационного исследования выглядит несколько скомканным. Нельзя не согласиться с диссертантом в том, что в течение

последних десятилетий основные теории в области общественной географии созданы западными авторами, более конкретно – учеными англоязычных стран. Тем не менее, совершенно неправильно считать отечественную геоурбанистику сугубо периферийной. Еще большие возражения вызывает авторский тезис об отставании в развитии постсоциалистических и, в частности, российских городов от западных (стр. 21). На самом деле в их развитии нет универсальной траектории, многие тренды разнонаправленные, по ряду аспектов здесь невозможно выделить «лидеров» и «аутсайдеров». Вызывает сомнения и авторский тезис, что различия между центром и периферией в российских городах более заметны, чем в городах западных стран; это, на наш взгляд, неоправданное обобщение. Характер различий между ними определяется не только размером, как пишет автор, но и функциями. Одним из признаков городов, в которых могут возникнуть коалиции интересов, соискатель называет их своеобразие, но определения «своеобразия» города он не дает. Не упоминается и многообразие факторов, влияющих на трансформацию городского пространства. Далеко не все происходящие изменения можно описать и объяснить, опираясь на теорию городских режимов. Акцент в диссертации делается на институтах и социальных практиках, о влиянии изменений функций города на трансформацию морфологии городского пространства автор даже не упоминает, хотя сдвиги в структуре городской экономики и занятости населения очевидно приводят к изменению его социального состава, системы ценностей и мотивационных установок – ключевых структурных параметров, определяющих способность к кооперации между акторами из различных общественных сфер. Автор фактически игнорирует и внутренние противоречия, имманентно присущие городу, диалектику соотношения городского пространства как земельной ренты (недвижимости) и как общественного достояния (блага); городского управления как сочетания методов централизации (единоначалия и унификации) и самоуправления; целей сохранения и развития. Перечень можно продолжить, но дело не в его полноте, а в том, что наличие подобных дихотомий предопределяет необходимость баланса между разными полюсами интересов. В этом, собственно, и состоит смысл установления городских режимов как «коалиции коалиций», «института институтов», «коммуникации коммуникаций», и пр.

Вторая глава, посвященная практике трансформации современного российского города под воздействием городских режимов, – самая большая по объему. Она начинается с обоснования методики исследования. В этой части автор сужает тематику своей диссертации до анализа конфликтных ситуаций, вызывающих столкновение интересов разных групп авторов, что в дальнейшем, однако, не мешает ему распространять

полученные выводы на «городские режимы» в целом. Далее, делается заявка на использование двух походов к анализу: первый – скорее описательный, второй определен как «составление пространственно-временных моделей». В обоих случаях доминирует экспертная оценка – метод полезный, но субъективный и слабо верифицируемый. В целом методика работы до конца не раскрыта. Ссылки на публикации автора мало помогают: читатель совсем не обязательно должен быть с ними знаком. Непонятно, как и на какой информационной основе проведен анализ дискурса о конфликтах, каково соотношение двух баз данных – «малой» (о нескольких общественно значимых проектах в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге и Вологде) и «большой» (о нескольких десятках конфликтов в Санкт-Петербурге). Очевидно недоиспользован инструментарий социологии и социальной/культурной антропологии, хотя в Санкт-Петербурге сложилась сильная школа прикладных социальных исследований города.

После методического вступления во второй главе представлен анализ собранной К.А. Галустовым информации о реализации общественно значимых городских проектов в нескольких городах РФ. Собранный К.А. Галустовым эмпирический материал и результаты его обработки представляют несомненную ценность. Инвентаризация данных о более чем сотне конфликтов с участием разных акторов позволила автору рассматривать возникающие конфликтные ситуации как лакмусовую бумажку, проявляющую характер и особенности городских режимов, а также ключевой канал их воздействия на трансформацию современного городского пространства. На материалах Санкт-Петербурга раскрыта тема экологических и экокультурных конфликтов, показано столкновение двух групп интересов: «коалиции роста» (власть и бизнес) и общества (гражданские активисты), возникновение «двухакторной схемы» режима принятия решений. Завершает главу параграф, в котором выявляются и анализируются результаты трансформации внутригородских пространств под воздействием городских режимов на примере двух центральных районов Санкт-Петербурга – Василеостровского и Петроградского.

Вместе с тем, недостатки концептуализации исследования сказались и на проведенном эмпирическом анализе. Концепция городских режимов появилась на стыке политологии и урбанистики, обобщив опыт исследований этих двух научных направлений. Отсюда следует, что за каждым событием в городе стоит разветвленная сеть отношений, элементами (узлами) которой являются сущности разного рода – институты, группы людей, материальные объекты, идеи и пр. Все они могут быть атрибутированы с точки зрения обладания властью – административной, социальной, финансовой, символической и пр., но ни одна не обладает ее полнотой. В классической конфигурации городских режимов, предложенной К. Стоуном, все это многообразие отношений редуцируется до

взаимодействия власти, бизнеса и общества. Наверное, такая генерализация необходима, поскольку, если углубиться в вопрос неоднородности каждого из этих агентов городского развития, то можно утонуть в деталях. Но подобные зонтичные конструкции требуют четких определений, тем более что на эту тему существует обширная литература. К сожалению, автор прибегает к самым упрощенным формулировкам, которые вредят проделанному анализу. И власть, и бизнес, и общество определяются им как «группы»: группа людей, группа предпринимателей, городские сообщества, «то есть все люди и группы людей, проживающих в городе». Данная исследовательская позиция приводит к рассмотрению отношений групп людей, а не институтов, что было бы более логично при таком уровне обобщения (хотя на стр. 23 и ниже появляются какие-то намеки на институциональную теорию). Отношения внутри триады «власть-бизнес-общество» рассматриваются как изначально конфликтные, а разрешение конфликтных ситуаций описывается в терминах победы и поражения. Однако подобная система координат при кажущейся очевидности далеко не всегда работает. В чем, например, заключаются интересы бизнеса в конфликте, вызванном бетонированием берегов реки в Вологде или проектом строительства нового корпуса больницы? К.А. Галустов полагает, что «общество» (иными словами, общественно активный «средний класс», а еще точнее, группа гражданских активистов) всегда право, а «власть», наоборот, преследует исключительно эгоистические цели, заботясь прежде всего о сохранении контроля над городом. Но несмотря на впечатляющие успехи в охране национального культурного наследия, достигнутые петербургскими общественными движениями, это далеко не всегда так, что следует уже из описания самих конфликтных ситуаций.

Третья глава, состоящая из двух параграфов, позиционируется как обобщающая результаты исследований. В первом из них представлена разработанная автором типология процессов трансформации пространства современного российского города. Предложенная диссертантом типология условно распадается на две смысловые части – «процессуальную» и «результативную». Процесс трансформации городского пространства анализируется автором на основе итогов ранее выполненных исследований общественно значимых проектов по преобразованию городской среды; результативность трансформации городского пространства оценивается по трем параметрам (изменение функционального назначения и морфологии городского пространства; воздействие городского режима; уровень влияния акторов). Во втором параграфе автором обосновываются и формулируются принципы (8) и закономерности (4) трансформации пространства современного российского города под воздействием городских режимов, заявленные как цель диссертационного исследования. В своей совокупности принципы и закономерности

представлены системно, описывают разные стороны рассмотренных в диссертации процессов, но, к сожалению, как и в случае с защищаемыми положениями, они выглядят несколько тривиально и «вертятся» вокруг одной идеи: необходимо стремиться к консенсусу между разными акторами, а также ставить во главу угла взаимосвязи реализации интересов актора и функции городского пространства. Идеи совершенно верной и справедливой, но в какой мере она является результатом конкретного проведенного исследования? Не являются ли некоторые из принципов скорее начальными концептуальными установками исследователя?

Некоторое недоумение вызывает и отсутствие в диссертации четких структурированных выводов по всей работе. В Заключение очевиден перекоп в сторону теоретических положений (принципов и закономерностей), они кратко повторяют положения, изложенные в параграфе 3.2 диссертации. А ведь работа посвящена совершенно конкретной географической теме, с богатым и интересным фактическим материалом. Как следствие, многие действительно ценные научные результаты, полученные уважаемым соискателем, должным образом не отражены. Смущают и чрезмерные обобщения. Автор претендует на валидность сделанных им выводов для всех российских городов, но свои аргументы выстраивает, основываясь на анализе конфликтов в Санкт-Петербурге, нескольких кейсов в Москве и по одному кейсу в Екатеринбурге и Вологде. Этого, конечно, недостаточно.

Переходя к подведению итогов, остановимся на **научных результатах** диссертации К.А. Галустова. Главная, на наш взгляд, заслуга диссертанта – попытка интеграции теории городских режимов, получившей широкое распространение в зарубежной науке, в проблемное поле научных исследований пространства российского города. Диссертацию отличает междисциплинарность, стремление выстроить исследование на стыке геоурбанистики, социально-экономической географии и смежных общественных наук. Особенно выпукло междисциплинарность проявляется в сочетании авторского географического подхода с методическими разработками в области конфликтологии.

Несмотря на большое число замечаний, считаем, что *цель исследования*, поставленная автором («выявить принципы и закономерности трансформации современного российского городского пространства под воздействием городских режимов»), *достигнута* (при всех отмеченных недостатках авторских формулировок как самой цели, так и отдельных «принципов» и «закономерностей»).

Практическая значимость диссертационного исследования К.А. Галустова также не вызывает сомнений. Полученные результаты могут быть востребованы в градостроительстве и городском планировании, в работах по оптимизации городской среды, при

подготовке конкретных управленческих решений, нацеленных на согласование интересов разных групп акторов и предотвращение внутригородских конфликтов. Они, несомненно, могут найти применение и в научно-преподавательской деятельности, в частности, при разработке учебных курсов, учебных и научно-методических пособий для студентов университетов (географов, урбанистов, политологов, социологов, экономистов и представителей смежных дисциплин).

Работа К.А. Галустова **прошла солидную научную апробацию**. Результаты исследования докладывались автором на семи научных конференциях международного и всероссийского уровня и одном международном научном семинаре. По теме диссертации им опубликовано 13 научных работ, в том числе статьи, индексируемые в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, в ядре РИНЦ и ВАК РФ.

В целом соискателем проделана кропотливая исследовательская, научно-коллекторская, методическая, научно-аналитическая и картографическая работа, заслуживающая уважения и достаточно высокой оценки. К.А. Галустов проявил себя как сложившийся зрелый исследователь в области геоурбанистики, квалифицированный специалист в вопросах городского развития и городского управления. Научно-квалификационную задачу как соискатель ученой степени кандидата географических наук К.А. Галустов, на наш взгляд, своей диссертацией решил.

Вывод ведущей организации

Диссертационная работа Галустова Кирилла Артёмовича «Трансформация пространства современного российского города под воздействием городских режимов», **соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181 «О порядке присуждения учёных степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а также заявленной научной специальности, а её автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата географических наук по научной специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.** Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не обнаружены.

Отзыв подготовлен доктором географических наук, заместителем директора федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт географии Российской Академии наук» и заведующим лабораторией геополитических исследований этого института **Колосовым Владимиром Александровичем** (научная специальность по диссертации – 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная

география); доктором географических наук, заведующим отделом социально-экономической географии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт географии Российской Академии наук» **Стрелецким Владимиром Николаевичем** (научная специальность по диссертации – 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география) и кандидатом географических наук, ведущим научным сотрудником Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт географии Российской Академии наук» **Вендиной Ольгой Ивановной** (научная специальность по диссертации – 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география).

Отзыв рассмотрен и одобрен на совместном заседании лаборатории геополитических исследований и отдела социально-экономической географии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт географии Российской Академии наук», протокол № 4 от 5 апреля 2024 года.

Зам. директора Института географии РАН,
зав. лабораторией геополитических
исследований, д.г.н., профессор

Колосов Владимир Александрович

Выражаю согласие
на обработку персональных данных

Колосов В.А.

Зав. отделом
социально-экономической
географии, д.г.н., доцент

Стрелецкий Владимир Николаевич

Выражаю согласие
на обработку персональных данных

Стрелецкий В.Н.

Ведущий научный сотрудник
лаборатории геополитических
исследований, к.г.н.

Вендина Ольга Ивановна

Выражаю согласие
на обработку персональных данных

Вендина О.И.

Дата « 18 » апрель г.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт географии Российской Академии наук»

Адрес: Старомонетный пер., 29, Москва 119017

Тел.: (495) 959-00-32

Электронная почта: direct@igras.ru

Сайт: <http://www.igras.ru>

Подпись руки тов.
заверяю

Олеся
Зав. канцелярией
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт географии
Российской академии наук

Носов О.И.

Носов В.А., Стрелюшко В.Н., Вендиной О.И.

